

Внезапно одна-единственная капля багровца пробилась тьме, словно внезапно вспыхнувшее пламя преисподней, и беззвучно закружилась среди зарослей мертвых костей, неизвестно что окутывая. Поначалу тот алый свет был слаб, но в одно мгновение превратился в пожар — он разгорался все ярче и свирепее, так что даже белые кости вокруг всего озера окрасились в кровавый цвет, а темная вода бурлила, словно кипяток.

Как раз в тот момент, когда сияние взметнулось до небес и казалось готовым пронзить дно озера, алый свет внезапно угас, словно уставший дракон, возвращающийся в бездну, постепенно сжался в раскаленный алый лотос и, наконец, в одно мгновение затих, исчезнув без следа.

На дне озера воцарилась мертвая тишина, лишь холодная вода все так же плескалась, а мертвые кости хранили молчание. Лишь багряный след остался лежать незримой печатью в ночи, и тяжелый остаточный страх прокатился по тысячефутовой глубине озера.

Ночной мрак не мог рассеять и толики небесного света, а вечерний ветерок заставлял шелестеть и трепетать траву и деревья.

Вдруг крошечный огонек прорезал темную ночь: в пламени шел сгорбленный слуга в синих одеждах. Он крепко сжимал кресало, его тело непрерывно дрожало, и огонек дрожал вместе с ним, то вспыхивая, то затухая, и вокруг плясали жуткие тени деревьев.

Позади него стояла точно такая же дрожащая фигура — это был вернувшийся Сяо Юй.

В горле слуги слышались нотки робкого страха, и он тихо уговаривал:

— Молодой господин, в этой темноте, по моему разумению, нефритовая подвеска, пожалуй, здесь не падала. Не вернуться ли нам сперва в поместье, чтобы поискать как следует? А если впрямь не найдем, завтра днем снова придем сюда.

Услышав это, Сяо Юй инстинктивно запахнул воротник. Прохлада ночи забралась под одежду, заставив его вздрогнуть еще раз.

Он поднял взгляд по сторонам: неровные тени деревьев, заунывный свист ветра — сердце невольно сжалось. Но стоило вспомнить о той подвеске, как он яростно стиснул зубы, силой подавляя затаившийся в груди страх.

Протянув руку, он толкнул слугу в спину:

— Поищи еще впереди. Я только что вспомнил: днем стояла жара, и я как раз здесь снял верхнюю одежду, чтобы освежиться. Подвеска наверняка потерялась тогда по неосторожности.

Сяо Юй замолчал на мгновение, и в его взгляде читались тревога и серьезность:

— Эту белофруктовую нефритовую подвеску мне лично подарил отец на прошлый день рождения. Для меня потерять ее — хуже смерти. Если уж действительно ничего не найдем, тогда и вернемся в поместье.

Хотя слуга и трепетал от страха, он всё же послушался приказа Сяо Юя и принялся водить кресалом, тщательно освещая окрестности.

Свет скользнул по земле и вдруг выхватил из темноты крошечную белую искорку как раз в том месте, где они отдыхали днем.

Слуга негромко воскликнул:

— Молодой господин, нашлась!

Сердце Сяо Юя встрепенулось, и он быстро шагнул вперед. В свете огня белая нефритовая подвеска тихо лежала среди высохшей травы.

Он торопливо наклонился и поднял ее, тревога в его глазах полностью рассеялась, уступив место облегчению и радости. Он поспешно поторопился:

— Скорее, веди коня, немедленно возвращаемся в поместье!

Слуга отозвался, протянул кресало Сяо Юю и на ощупь бросился туда, где была привязана лошадь.

Сяо Юй с кресалом в руке торопливыми шагами следовал позади, желая поскорее покинуть это заброшенное место.

Кто же знал, что под ногой у него внезапно что-то окажется? Он споткнулся, тело его качнулось, и он рухнул прямо вниз. Под ним оказалось что-то мягкое, так что он даже не почувствовал боли.

Сердце пропустило удар, и Сяо Юй покрылся холодным потом. Он поспешно поднес к губам погасшее при падении кресало и принялся дуть на него снова и снова.

Когда огонек вновь заплясал, он медленно опустил голову.

В тусклом свете пламени перед его глазами предстала белая, словно нефрит, рука. Нежная кожа казалась особенно ослепительной в ночи.

Лицо Сяо Юя побледнело, колени ослабли, душа улетела от страха. Зажмурившись и не смея

больше смотреть, он принялся складывать руки в молитвенном жесте, безостановочно бормоча: «Амитабха», — лишь надеясь, что ему мерещится.

Некоторое время они оставались в таком неподвижном положении, а вокруг лишь шуршал ветер, и не было никаких иных звуков.

Немного придя в себя, Сяо Юй осторожно приоткрыл один глаз и, дрожа, протянул кресало ближе, всматриваясь вниз вдоль той руки.

Глаза незнакомки были слегка прикрыты, длинные растрепанные волосы падали на плечи, и лишь грудь едва заметно вздымалась, позволяя уловить слабое дыхание.

Замершее сердце рухнуло на место, он про себя назвал это великой удачей и, хоть и не оправился от испуга, тяжело вздохнул: к счастью, живой человек.

Сяо Юй дрожащей рукой поднес кресало ближе. В тот момент, когда тусклый желтый свет разогнался тьму и осветил лицо девушки, он позабыл, как дышать, и едва снова не выронил кресало из рук.

Девушке на вид было около двадцати лет. Ее брови казались подведенными тушью, а уголки их мягко расходились; длинные ресницы, опускаясь, напоминали тончайшую вуаль и от дыхания трепетали, словно крылья бабочки в полете.

Ее изящный нос был горделиво очерчен, а губы источали какую-то бессознательную прелесть.

Больше всего поражала ее кожа — белая как снег, подобная топленому свиному салу и драгоценному нефриту. Даже несмотря на то, что одежда ее порвалась и покрылась пылью с грязью, она все равно казалась мягче и нежнее той нефритовой подвески, что Сяо Юй сжимал в руке.

Такая красота была поистине небесной: в ее чертах сочетались чистая отрешенность бессмертной феи и невыразимое демоническое очарование, таящееся в чуть сжатых уголках губ. Переплетение чистой прелести и знойной красоты заставляло теряться в догадках — фея она или демон.

Сяо Юй с детства рос в столице и привык видеть знатных девиц и непревзойденных красавиц, но сейчас он невольно остолбенел: неужели в мире существуют такие женщины — одновременно похожие на небесных дев и на демонических соблазнительниц, способные забрать душу?

Страх в его сердце рассеялся больше чем наполовину, оставив лишь всепоглощающее потрясение.

Пока он пребывал в оцепенении, издалека донесся звук конского топота.

Сердце Сяо Юя сжалось, и, не успев как следует подумать, он торопливо снял с себя верхнюю одежду, набросил ее на девушку и полностью скрыл ее рваные наряды.

Вскоре примчался слуга с конем. Заметив при слабом свете огня, что Сяо Юй наклонился, собираясь поднять какую-то женщину на руки, он уже собирался спросить в чем дело, как невзначай бросил взгляд на лицо девушки и испуганно ахнул.

Сделав два шага вперед, он протянул руку, преграждая Сяо Юю путь, и тревожно, с горечью принялся уговаривать:

— Молодой господин, ни в коем случае нельзя! Это место глухое и зловещее, сюда и днем мало кто заглядывает, а уж ночью тем более следует обходить его стороной.

Раз эта женщина появилась здесь, да к тому же обладает столь ослепительной красотой, не оборотень ли она из диких гор, явившаяся специально, чтобы соблазнять людей? От таких людей с туманным прошлым лучше держаться подальше, чтобы не навлечь на себя беду!

Услышав это, Сяо Юй нахмурился, бросил на слугу сердитый взгляд и с некоторым гневом произнес:

— Хватит нести чушь! Откуда в этом мире столько сказок об оборотнях?

Раз мы смогли сюда прийти, значит, и другие вполне могли проезжать мимо. Ее одежда порвана, сама она одна-единственная здесь — думается мне, ее схватили злодеи, а она чудом сбежала и спряталась в этом месте, либо стала жертвой чьих-то темных замыслов и оказалась в таком бедственном положении.

Если мы сегодня пройдем мимо и останемся равнодушными, то как только погоня настигнет ее, беззащитную, неужели она окажется лишь игрушкой в чужих руках? В таких обстоятельствах как можно не спасти погибающего!

Видя, что Сяо Юй непреклонен и уговорить его не удастся, слуга лишь топнул ногой, наблюдая, как его молодой господин берет девушку на руки, усаживает на коня,

а затем и сам взбирается в седло, прикрывая ее собой спереди.

Не смея медлить, слуга бросился следом за конем, ступая то твердо, то оступаясь, и в то время как он задыхался от бега, в глубине души его закрадывались тревожные мысли — он лишь молил небеса, чтобы молодой господин не навлек на них беду и неприятности.

Быстро двигаясь вперед, они вскоре достигли стены Поместья Сяо и обошли ее к уединенной задней калитке.

Сяо Юй натянул поводья и знаком велел слуге постучать в створку. Вскоре старый привратник в накинутаой поверх одежды халате зашаркал к выходу; его слезящиеся от старости глаза прищурились, и он не мог толком разглядеть фигуру на лошади, лишь смутно видя, что на руках у молодого господина кто-то есть.

Сяо Юй поспешно бросил слуге взгляд. Тот сразу всё понял, достал из рукава серебряную монету и вложил ее в руку старику, понизив голос:

— Дядя Лю, не шуми.

<http://bllate.org/book/19421/1901963>